

Глава 35. Злодею по заслугам

Сяо Цянь-ши была из тех, кто горазд только языком чесать. На деле же смелостью она не отличалась, и когда Мясник Линь пошел на неё грудью, голос её предательски задрожал:

— Ты... ты что это удумал? Гляди, ярмарка кругом, народу тьма! Все смотрят! Неужто... неужто бить меня посмеешь?

Линь лишь холодно осклабился:

— Ты своим поганым языком мой товар хаешь, мой хлеб отнимаешь! За такое и поколотить мало. Не веришь — так давай людей спросим, пусть рассудят, кто из нас прав.

Мясник Линь славился своим буйным нравом, и желающих вступаться за вздорную бабу среди зевак не нашлось. Люди лишь качали головами, наблюдая за представлением.

— И надо же быть такой душой — самого Линя разозлить. Видать, жизнь не мила.

— И то верно. Линь сегодня с неё живой шкуру спустит, попомните моё слово, просто так не отвяжется.

Сяо Цянь-ши не на шутку перепугалась. Вся её спесь мигом испарилась, и она, не проронив больше ни слова, попыталась бочком проскользнуть мимо мясника и скрыться в толпе.

Но Мясник Линь был не из тех, кого можно обвести вокруг пальца, как Лю Тяньцзяо. Он мертвой хваткой вцепился в плечо невестки и прорычал:

— Куда пошла? Думала, я, Линь, из тех, кого можно безнаказанно помоями обливать?

— Я... я вовсе не хотела! — запричитала Сяо Цянь-ши. — Не наговаривай на меня, я честная женщина!

— Я мясом торгую, и если кто говорит, что оно тухлое, тот меня и оскорбляет.

— И чего же ты теперь хочешь?

Мясник смерил её презрительным взглядом. Он сразу понял: перед ним обычная деревенская смутьянка, у которой за душой ни гроша, а гонору на целый уезд.

— Я человек не злопамятный, — протянул он, — но раз ты мой товар опорочила и покупателей распугала, придется тебе за это платить. Бери десять цзиней мяса, и в расчете.

Сяо Цянь-ши едва не лишилась чувств от такой несправедливости:

— Хозяин Линь, побойся бога! Давай я просто прощения попрошу, а? Десять цзиней... да нам всей семьей столько за месяц не съесть!

Линь, решив проучить бабу как следует, и слушать её не желал:

— Не съедите — так в колодец спустите, чтоб не протухло, или солью засыпьте да закоптите. А не то — так раздайте соседям. Ты же сама хвалилась, что денег у вас куры не клюют?

Тут Сяо Цянь-ши поняла, что доигралась. От былой заносчивости не осталось и следа.

— Хозяин Линь, ну что ты! Это я так, для красного словца... Бедные мы, кашу пустую едим, где уж нам мясо покупать.

— Бедные, говоришь? Ну так я тебе по-свойски скажу: пока десять цзиней не купишь, с места не сойдешь.

— Да нет у меня таких денег! — в отчаянии выкрикнула она, и вдруг в её голове вспыхнула спасительная мысль: — Ты ведь знаешь Лю Тяньцзяо? Того гэ'эра, что раньше с Мясником Лю торговал? Он ведь племянник моему мужу, родная кровь! У меня сейчас и впрямь пусто в кошельке, ты отпусти меня, а я мигом к нему сбегая, он за всё заплатит!

Мясник Линь нахмурил свое грубое, изрытое оспой лицо:

— Старший Лю-то помер давно, неужто лавка их еще жива?

— Еще как жива! Племянничек мой там заправляет, дело у них в гору идет, серебро лопатой гребут!

— Откуда ж у них мясо, коли им свиней никто не продает?

— Да они не мясом торгуют, а требухой тушёной.

Взгляд Линя стал еще мрачнее:

— Правду говоришь?

Сяо Цянь-ши едва не перекрестилась:

— Истинную правду! Чтоб мне на этом месте провалиться!

— Ладно, — отрезал мясник. — Вытряхивай всё, что в карманах есть, а остальное я с твоего племянничка стрясу.

Женщина оторопела. Вроде бы договорились, а он всё равно за свое?

— У меня там сущие гроши... Может, ты лучше сразу к Тяньцзяо пойдешь? Он нынче при деньгах, важный стал.

— Тебе сказано: доставай! — рявкнул Линь, теряя терпение. — Или мне тебя заставить?

Сяо Цянь-ши долго мялась, прижимая руки к груди.

Мясник потянулся к тяжелому тесаку, лежавшему на колоде:

— Видать, по-хорошему ты не понимаешь. Придется тебе кровь пустить, авось разум-то и вернется.

Обычная деревенская баба, чей предел смелости — ругань с соседками да таскание друг друга за косы, Сяо Цянь-ши побледнела как полотно. Она дрожащими руками извлекла из-за пазухи старый, засаленный кошелек.

— Вот... всё, что есть. Смилуйся, хозяин, убери нож-то!

Мужчина взвесил кошелек на ладони. Судя по звуку, там было от силы три-четыре десятка медных монет. Он брезгливо поморщился:

— В такие годы — и с такими копейками на рынок ходить? Тьфу!

Сяо Цянь-ши готова была сквозь землю провалиться от стыда и обиды, но не смела и пикнуть.

Мясник Линь, на удивление, слово сдержал. Он спрятал кошелек, подхватил нож и небрежно отхватил маленький кусок свинины.

— Держи. Это на то, что ты дала. Остальное заберешь, когда я с твоего родственничка долг получу.

Тридцать-сорок монет... На эти деньги крепкий работник может несколько дней кормиться! Сяо Цянь-ши едва не взвыла от жадности — и надо же было ей сегодня взять с собой столько денег! Она опасливо взглянула на жалкий обрубок мяса в руках мясника:

— Может, взвесить надо? Тут ведь и цзиня не будет...

Линь вытаращил глаза и взревел:

— У меня рука — точнее любых весов! Тебе что-то не нравится? Или ты опять хочешь меня в обмане обвинить?!

Сяо Цянь-ши тут же прикусила язык и, понутив голову, приняла мясо.

Видя, что баба притихла, Линь немного остыл:

— Ступай. Этих грошей и на малую часть долга не хватит. Веди меня к своему племяннику.

А вот этому невестка была только рада. Ведь стоило Лю Тяньцзяо попасть в беду, как ей тут же становилось легче на сердце.

— Идем, идем! Я дорогу покажу!

Мясник Линь видел, как на её лице расцветает злобная радость, и окончательно понял, что за отношения связывают эту парочку. Старший Лю вечно из себя праведника строил, всё за честность радел, так что сам едва концы с концами сводил... А теперь гляди-ка, стоило ему глаза закрыть — и родственнички его друг друга сожрать готовы.

После выходки Сяо Цянь-ши народу у лавки Тяньцзяо только прибавилось. Когда Линь и его провожатая подошли к месту, в котле у юноши почти ничего не осталось, а сам он сиял от счастья, едва успевая принимать монеты.

— Дядюшка, вам сколько положить? — весело спросил Лю Тяньцзяо у очередного покупателя.

— Два ляна, и ушек добавь побольше.

— Будет исполнено! С вас три монеты, заходите еще!

— А вам, сестрица?

— Шесть лянов кишок? Боюсь, не наберется... Давайте я вам сердца добавлю, оно ничуть не хуже?

— Ну, тогда клади пощедрее.

— Не извольте беспокоиться!

Сяо Цянь-ши, видя, как деньги рекой текут в руки племянника, едва не лопнула от зависти. Она легонько подтолкнула мясника:

— Гляди, Хозяин Линь! Вон тот, что деньги считает, — племянник мой, он и есть. Видишь, как жирует? Ты с него побольше тряси, чтоб и мне мяса перепало.

Мясник Линь годами враждовал со Старшим Лю и прекрасно знал Тяньцзяо в лицо. Ему нужен был лишь повод, чтобы затеять ссору, и он, не мешкая, шагнул вперед:

— Лю Тяньцзяо! А ну живо гони мои деньги!

Хозяин лавки сразу узнал этого человека, который не раз пытался прибрать к рукам их имущество. Видя, что Линь пришел не с миром, он не стал церемониться:

— Надо же, какие люди! Хозяин Линь, с какого это перепугу я тебе задолжал? Никак, сон дурной приснился или на солнышке перегрелся?

Линь, возмущенный тем, что какой-то гэ'эр смеет ему дерзить, рывком вытолкнул невестку вперед:

— Она ведь твоя тётка, так?

Юноша нахмурился:

— Ну, тётка. И что с того?

Линь холодно усмехнулся:

— Раз тётка — значит, ты за неё и в ответе. Она мне денег задолжала, а платить нечем. Так что теперь это твоя забота.

— Она мне тётка, а не мать родная. Свои долги пусть сама и платит, а нет — так пусть муж её или дети раскошеляются.

— Некогда мне мужа её искать. Раз ты подвернулся — ты и плати.

Тяньцзяо еще не встречал такой наглости. Покупатели, видя разъяренного мясника, начали испуганно расходиться.

— По-вашему выходит, — с гневом в голосе проговорил он, — что я теперь за любого дальнего родственника кошельком отвечать должен? Глупости не говорите.

— Кончай зубы заговаривать! Другие мне без надобности, а ты не уйдешь. Гони монеты, и точка.

Вэй Вэнькан, который за эти дни насмотрелся на людскую подлость, видел, как сияет Сяо Цянь-ши. В нем закипела благородная ярость, и он, забыв о своей ученой сдержанности, воскликнул:

— Тётушка с Хозяином Линем вроде в родстве не состоят. Откуда ж долгу взяться? Уж не сговорились ли вы, чтобы честных людей грабить?

— И то верно! — подхватил кто-то из толпы. — Женщина эта беспокойная, только что тут скандал затеяла, а теперь вон какого верзилу привела.

— Да что она могла задолжать? Видать, дельце какое нечистое провернуть хотела, да на крючок попалась.

Сяо Цянь-ши не выдержала общего напора и с мольбой взглянула на мясника:

— Ну скажи ты им! Расскажи, как всё было!

Линь, разумеется, и не подумал признаваться, что его товар хаяли. Он и бровью не повел на причитания женщины:

— Не ваше дело, как она задолжала. Главное — она вину признала, а значит, вам платить.

Лю Тяньцзяо всё понял. Сяо Цянь-ши была лишь предлогом, Линь просто искал повод закрыть их лавку. Он перестал спорить и вкрадчиво спросил:

— Ярмарка в самом разгаре, Хозяин Линь. Вместо того чтобы у своего прилавка стоять да прибыль считать, ты тут с нами препираешься. Уж не потому ли, что мясо твое никому не нужно?

Линь и так был вне себя из-за плохой торговли, а слова Тяньцзяо попали в самую рану.

— Что ты несешь, щенок?! Торговля у меня — лучше некуда!

Юноша притворно удивился:

— Неужели? А вот Госпожа Цюань, что свиней растит, иного мнения. Говорит, ты уже который день к ней за товаром не заходишь...

Линь побагровел. Эта Цюань-ши — баба вздорная и жадная, вечно с мужем своим, Цзян Цзяцяном, воду мутит. Он ей цену и так поднял, а ей всё мало! Так она теперь еще и Тяньцзяо жаловаться вздумала? Неужто хочет ему свиней продавать?

Видя, что мясник заглотив наживку, Тяньцзяо подлил масла в огонь:

— Госпожа Цюань сама мне нашептывала, мол, открывай лавку снова... Говорит, покойный батюшка лучшим мясником в округе был, и у меня дело не хуже пойдет.

— Так она и впрямь это говорила?!

— Истинная правда. Мой супруг тоже слышал, не так ли?

Вэй Вэнькан серьезно кивнул, и в его взгляде не было ни тени лукавства.

Глаза Линя налились кровью. Он так сжал рукоять тесака, что костяшки побелели.

— Ах ты, ведьма... Убью!

— Хозяин Линь, вы уж так-то не горячитесь, — елеинным голосом пропел Тяньцзяо. — Она ведь тоже человек дела, прибыли хочет, это понять можно.

— Прибыли?! Да она меня за дурака держит!

Мясник мгновенно позабыл и о долгах, и о Тяньцзяо. Схватив свой нож, он помчался к своей лавке, чтобы поскорее свернуться и идти к семье Цзян разбираться с Цюань-ши. Мясо у него на прилавке и так уже начало заветриваться, а теперь он твердо решил — пусть эта баба забирает товар обратно и возвращает все деньги до последнего медяка.

Сяо Цянь-ши осталась стоять посреди улицы, хлопая глазами. Она никак не могла взять в толк — как же так? Тяньцзяо язык без костей, любую небылицу сплетет, а этот громила поверил и убежал?

Юноша, которому эта смутьянка уже в печенках сидела, холодно бросил:

— Не ищи его взглядом, тётушка. Ушел он, и вряд ли скоро вернется.

Увидев, что даже свирепый Линь отступил перед хитростью племянника, Сяо Цянь-ши не

посмела больше проронить ни слова и бросилась наутек.

Тяньцзяо проводил её взглядом, и на душе у него стало светлее. Вор на воре сидит и вором погоняет — пусть теперь эти кумушки сами с Линем разбираются. Будет им хороший урок.

Из-за всей этой кутерьмы торговля подзатянулась, хотя товар должен был разойтись еще час назад. Вэй Вэнькан посмотрел на Тяньцзяо: тот хоть и улыбался, но в глазах его читалась усталость. Вэнькан глубоко вздохнул, подавляя в себе остатки гнева. Он твердо решил: нужно учиться еще прилежнее, чтобы однажды стать защитой для своей семьи и оградить супруга от подобных нападков.

<http://bllate.org/book/15343/1412370>